

32. Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhottua politiikkaa. S. 11.
33. Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan II 1933 - 1939. Helsinki, 1977. S. 158 - 159.
34. Luo Lippujen! 3/1937.
35. Uola M. Sinimusta veljeskunta. S. 375.
36. Kallenautio J. Itsenäisen Suomen ulkopoliitiikka 1917 - 1955. Helsinki, 1985. S. 149 - 150.
37. Ajan Suunta. 9.10.1938.
38. KA. Säätiö 27.
39. Jakobson M. Diplomaattien talvisota. Suomi maailmanpolitiikassa 1938-40. Porvoo, 1968. S. 198.
40. Ajan Suunta. 16.3.1939 ja 19.3.1939.
41. Ibid. 9.4.1939.
42. Ibid. 18.9.1939.
43. KA. Säätiö 46. См. Также: Susitaival P. Suomen tie 1938 - 1939. Poinmintoja julkisista ja salaisista asiakirjoista.//Nootti 7/1979.
44. Niukkanen J. Talvisodan puolustusministeri kertoo. Helsinki, 1951.
45. Helsingin yliopiston kirjasto (HYK) (Рукописный фонд библиотеки университета Хельсинки) . Akateemisen Karjala-Seuran kokoelma. Coll. 464.59.
46. KA. Säätiö 46.
47. Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. Tapiola, 1968. S. 64 - 65.
48. Ibid. S. 65.
49. Perko T. Aseveljen kuva. Suhtautuminen Saksaan jatkosodan Suomessa 1941 - 1944. Porvoo, 1971. S. 105.
50. Ibid. 94.
51. Lackman M. Esko Riekkö. Jääkäriväriväri, Etsivän Keskuspoliisin päällikkö, SS-pataljoonan luoja. Hämeenlinna, 2007. S. 399, 402.
52. IKL. 1/1943.
53. Isänmaallisen kansanliikkeen ohjelma 1941. Yleiset ohjelmaperusteet. Helsinki, 1941.
54. KA. Säätiö 26.
55. Perko T. Aseveljen kuva. S. 101 - 102.
56. Ajan Suunta. 27.6.1941.
57. Uola M. Sinimusta veljeskunta. S. 466.

В. Н. Барышников

Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны (часть I)

Организация из граждан Финляндии частей СС и использование их затем в 1941 - 1943 гг. нацистским руководством на Восточном фронте в войне против СССР до сих пор специально не рассматривались в отечественной историографии. Первым, кто в Советском Союзе еще в годы войны обратил на это свое внимание, был глава Карело-Финской ССР О. В. Куусинен. Он тогда отметил, что «в Финляндии начали вербовку и посылку “надёжных” головорезов в Германию, чтобы там сформировать из них так называемые “финские эсесовские батальоны” для участия в рядах германской армии в наступлении против СССР» /1/. Далее этой констатации в российской историографии, тем не менее, дело так и не пошло, а изучение данного вопроса долгое время находилось лишь на стадии фиксации указанного исторического факта /2/.

Однако, как совершенно верно отметил военный историк К. Ю. Микола, участие финнов в войсках СС «представляет собой весьма интересное и многогранное явление с политической и военно-исторической точек зрения» /3/. В данном плане, только в последнее время в нашей стране начали появляться отдельные работы российских или зарубежных авторов, в которых в определенной степени затрагивались проблемы участия финских солдат в эсесовских войсках Германии /4/. Но и в этих произведениях, носящий нередко научно-популярный характер, содержится немало неточных сведений, которые несколько искажают отражение исторической действительности, связанной с финскими эсесовскими войсками. Более того, в них чувствовалось серьезное влияние зарубежных работ, переведенных на русский язык /5/. К тому же и перевод некоторых работ иностранными авторами не всегда был точным.

ранных авторов, касающихся раскрытия указанной темы, носил весьма фрагментарный характер, содержа ряд фактических неточностей, не соответствовавших оригинальному тексту /6/.

Что же касается исследований, которые проводились в собственно Финляндии, то в них явно просматривалась попытка представить существование данных войск, как сугубо вынужденную меру, предпринятую в 1941 г. финским руководством. По мнению финских авторов, появление в Финляндии частей СС, фактически, не отражала истинное отношение населения страны к нацизму и нацистскому режиму, а сами эти части стали лишь «заложниками» политики правительства /7/.

Однако подобные констатации выглядят достаточно небедительными, поскольку эсесовские войска создавались по достаточно строгому расовому признаку и являлись весьма своеобразными формированиями в составе германских войск. Их квалифицировали не иначе как «армией фюрера» /8/. Эсесовские части к тому же имели сугубо идеологический, нацистского происхождения, характер. Некоторые из войск СС зачастую выполняли не боевые, а карательные функции, призванные к подавлению сопротивления нацистскому режиму. Как отметил по этому поводу известный российский историк-германист О. Ю. Пленков - «злодейский характер СС не вызывает никаких сомнений» /9/. Правда, затем уже после поражения рейха, бывшие финские эсесовцы, стремясь «откреститься» от участия в деятельности войск СС, утверждали, что они отрицательно относились «к террористическим актам немецких солдат по отношению к детям, женщинам и больным» /10/.

Но, тем не менее, первый вопрос, который возникает в данном случае - как случилось, что стало возможным нацистскому руководству создать из граждан Финляндии особые части СС?

Ответ на этот вопрос пытались получить еще в 1946 г., когда в Хельсинки проходил судебный процесс над главными виновниками участия Финляндии вместе с Германией в войне против СССР. Для судебного разбирательства по данной про-

блеме было даже скомплектовано несколько дел, касающихся образования и деятельности финских эсесовских подразделений. Сами эти дела группировались в материалах, которые собирались для объективного «выяснения внешней политики Финляндии» военного времени /11/. Однако, подобранные тогда документы в специальном фонде «О военных преступниках», находящемся в Архиве внешней политики Финляндии, сейчас загадочным образом там отсутствуют. Тем не менее, в заключении следственного комитета по выяснению характера внешней политики Финляндии в период 1939 - 1944 гг., указывалось, что сформированный весной 1941 г. из финских добровольцев батальон СС являлся составной частью эсесовских войск Германии, а сами «отношения между Финляндией и Германией в течении весны 1941 г. развивались как самые сердечные» /12/.

В этом плане показательным являлось то, что в Финляндии все же к началу 1940-х гг. действительно не наблюдалось устойчивого нарастания интереса к фашистской идеологии, а установленные в рейхе порядки не всегда встречали среди финского населения восторженную реакцию. Даже в финском МИДе еще в середине 1930-х годов проявлялась определенная озабоченность стремлением Берлина разворачивать в Финляндии пропаганду «новой Германии» /13/ и стимулировать усиления в стране влияния национал-социалистской идеологии /14/. По оценке ответственного сотрудника министерства иностранных дел А. Пакаслаhti, настораживало, что «в основе национал-социалистских взглядов лежит расовое учение», которое откровенно стремились нацисты культивировать в североевропейском регионе /15/.

Несомненно, для финского общества крайне сложно было понять связь расового арийского учения со своей страной и со своим населением. Для всех было очевидно, что «финно-угорская языковая семья никоим образом не была родственной "великогерманским" народам» /16/. Поэтому, даже весьма благосклонно настроенный к Германии заместитель министра иностранных дел того времени Р. Виттинг прямо говорил в 1935 г. Не-

мецкому посланнику В. Блюхеру, что «финны не германцы и не арийцы и не могут принимать расовую теорию» /17/. Неслучайно, поэтому идеолог нацизма А. Розенберг, стремясь усилить нацистское влияние в Финляндии, вынужден был тогда даже сделать заявление о том, что финны все-таки относятся к региону «нордического образа мысли» /18/.

Однако в целом немецкому руководству было достаточно очевидным, что восприятие арийской расовой идеологии у финнов, естественно, наблюдаться не может. Единственное, что в данном случае казалось несомненным, заключалось в том, что существовали перспективы сотрудничества, выражающиеся в «тесном идеологическом родстве на платформе антикоммунизма» /19/. Действительно, как заметил в этом отношении финский историк Р. О. Пелтовуори, «удар по коммунистам, нанесенный Гитлером с приходом к власти был воспринят повсеместно в буржуазных кругах Финляндии с удовлетворением» /20/. В результате именно антикоммунистическую или даже скорее антисоветскую, а где-то и антирусскую основу взглядов определенной части финского общества в рейхе могли активно использовать, не забывая, естественно, и о необходимости продолжения пропаганды нацистской идеологии.

Улавливая специфические особенности политического развития Финляндии, в Берлине к тому же пытались учитывать и то, что в этой стране, как и в других государствах Северной Европы, большим влиянием пользовались социал-демократические партии. Поэтому неслучайными прозвучали слова А. Розенберга на традиционных «днях», посвященных северным странам в Любеке в июне 1937 г. Он тогда назвал в своей речи социал-демократию северных стран исключением в сравнении с тем, что понимается под социал-демократическим движением в Германии, где нацисты считали их злейшими врагами /21/. Таким образом, для руководства рейха в данных условиях проявлялось стремление даже отойти от своих идеологических установок лишь только за тем, чтобы добиться более тесного взаимопонимания с Финляндией и другими странами Северной Ев-

ропы.

Однако агрессивность внешней политики Третьего рейха, которая стала отчетливо проявляться уже с начала 1938 г., все же очень отрицательно влияла на финские общественные настроения. Как мрачно констатировал В. Блюхер в мае 1938 г., «для немецкого общества очень трудно было получить точку опоры в стране, где было более чем 40 процентов социалистов и свыше 90 процентов демократов» /22/. Более того, в аналитическом материале МИДа Германии, который был подготовлен в ноябре того же года, указывалось, что финская пресса в условиях начала захвата немцами Чехословакии, «не проявляла дружелюбия к Германии» /23/.

Тем не менее, по наблюдениям иностранных дипломатов, работающих в Хельсинки, в финском обществе просматривалась и противоположные тенденции в отношении к наращиванию рейхом агрессивности. Активная, наступательная позиция Германии имела в Финляндии и своих сторонников. Милитаристская составляющая политики Третьего рейха в конце 1930-х гг. усиливала симпатии к нацистам, прежде всего у определенной части студенчества, а также в офицерском окружении /24/. В результате, для Берлина устойчивой опорой, как считалось, являлись те, кто, главным образом, состоял в профашистской партии страны Патриотическое народное движение (ИКЛ), а также, кто был вообще благосклонно настроен к немцам. Это, прежде всего, просматривалось в среде финских военных кругов и у праворадикальной молодежи.

Однако, следует учитывать, что официальная позиция финляндского правительства в отношении профашистских проявлений в стране была сдержанной или даже иногда отрицательной. 22 ноября 1938 г. министерство внутренних дел Финляндии, возглавлявшееся У. К. Кекконеном, пошло даже на принятие решения о запрещении деятельности партии ИКЛ. На заседании парламентской фракции Аграрного союза министр прямо заявил, что «с фашистским бредом надо покончить» /25/. Дело стало рассматриваться в судебном порядке, хотя запреше-

ние этой партии так и не случилось.

В целом масштабное развитие в идеологической области финско-нацистских отношений у Германии явно не получилось. И единственным серьезным результатом, в наблюдавшемся сближении в идейном плане между Финляндией и Германией, оставался антикоммунизм и антисоветизм. Но, в принципе, даже это вполне могло удовлетворить рейх, что собственно и проявилось в отношениях между двумя странами в 1940 - 1941 гг.

Объективно говоря, тогда финское руководство, рассчитывая на возможность взять реванш у СССР за поражение в «зимней войне», все более и более начало склоняться к необходимости тесного военного и политического сотрудничества с рейхом. Этот процесс вылился в добровольном открытии в сентябре 1940 г. Финляндией своих границ для немецких войск, а затем, с принятием в Берлине плана «Барбаросса», началом согласования с Германией своих военных планов боевых действиях против СССР.

Факт же впуска на свою территорию немецких войск по своей сути был уникален, поскольку ни одна страна мира добровольно для нацистов своих границ не раскрывала. Также уникальным явлением стало и принятие финским руководством решения о возможности Германии создать из граждан страны нацистские формирования. Дело в том, что ни одно из независимых государств до этого не участвовало в организации немецких эсесовских войск. Подобные подразделения начали тогда создаваться лишь в оккупированных странах, таких как Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия. Попытка же Германии летом 1941 г. наладить вербовку, скажем, добровольцев в Швеции встретило в Стокгольме явно негативную реакцию. Там немецким представителям было заявлено, что «Швеция не разрешит своим гражданам включиться в какую-либо иностранную армию» /26/.

Финляндия, таким образом, на государственном уровне оказалась первой страной мира, которая добровольно пошла тогда на столь идеологически компрометирующий себя шаг,

призванный «показать по замыслу Гимmlера общеевропейское стремление уничтожить коммунизм» /27/. Именно в этом ключе и началось рассмотрение идеи создания из граждан Финляндии эсесовских формирований.

Конкретно, уже в конце 1940 г. данную проблему стали «аккуратно» поднимать в руководстве СС перед финскими высокопоставленными военными представителями, прибывавшими в это время в Берлин. Связанно это было с тем, что как раз тогда в рейхе решался вопрос об образовании новой эсесовской дивизии, которая должна была частично состоять из иностранных волонтеров, имеющих арийское происхождение. 21 декабря 1940 г. А. Гитлер уже официально объявил о создании этой дивизии. Она получила звучное название «Викинг» /28/. И вот тогда, как считает профессор М. Йокиппи, вначале еще в октябре, а затем уже в декабре, вопрос о включении финского контингента в эту дивизию стал обсуждаться, в частности, с генералом Х. Эстерманом, который в 1930-ые гг. занимал должность командующего финской армией и был весьма влиятельной персоной в армейских кругах Финляндии /29/.

Очевидно, что эсесовцы принялись в это время осуществлять соответствующее активное зондирование позиции Хельсинки и, по мнению немецких дипломатов, здесь «Гимmlер к Финляндии проявлял особый интерес» /30/, а в создании финских войск СС он даже видел, «соответствующую настоящему времени, политическую модель» нацистской Германии /31/. В результате Финляндия стала одной из первых стран, на которую устремил свои взоры Берлин.

То, что именно финны вначале оказались объектом пристального внимания со стороны нацистов есть также определенное историческое объяснение. Дело в том, что еще за несколько месяцев до начала прощупывания финского руководства на предмет создания в Финляндии частей СС, в Германии стали замечать, что Хельсинки явно пытается демонстрировать свое желание развивать тесные контакты с рейхом.

Так, 4 июля 1940 г. министр иностранных дел Финлян-

дии Р. Виттинг с восторгом сообщал В. Блюхеру, что «у населения Финляндии дружественные настроения к Германии нарастают подобно лавине». Далее он добавил, что «существуют взгляды о необходимости создания правительства, которое исключительно было бы сориентированное на Берлин» /32/. Столь серьезное заявление министр иностранных дел конкретизировал еще утверждением о том, что в Финляндии считают, что ее войска «с помощью немецких армий могли бы через несколько-ко месяцев вернуть территорию, которая перешла к России» /33/.

Естественно, что в рейхе, где уже приступили к продумыванию возможных перспектив нападения на СССР, подобные взгляды выглядели крайне обнадеживающими. Они указывали немцам на то, как заметил профессор М. Менгер, что «финская перспектива давала благоприятные возможности» для подготовки Германии похода на Восток с использованием северного плацдарма /34/. Финляндское же руководство всячески эту мысль поддерживало. В этом отношении примечательной оказалась беседа, состоявшаяся между Виттингом и Блюхером 2 августа 1940 г. В ходе нее финский министр иностранных дел в «чисто философском плане» предложил возможность вообще организовать встречу его и премьер-министра Р. Рюти с А. Гитлером или И. Риббентропом. Причем предметом их переговоров должен был стать вопрос о кардинальном усилении взаимодействия Германии и Финляндии /35/.

Это столь смелое и одновременно достаточно неконкретное предложение Блюхер решил для себя прояснить уже «из других источников» и вскоре узнал просто ошеломляющую информацию. Вот что он в этой связи срочно тогда сообщил в Берлин: «Я не получил от г-на Виттинга четких сведений, о чем представители финского правительства собираются говорить в Берлине. Но я узнал из другого источника, что они желали бы достигнуть договоренности... относительно их собственной территории, которая бы значительно потеряла свой суверенитет в пользу Германии» /36/.

Эти сведения в Берлине были квалифицированы, как

представившаяся для рейха «историческая возможность» резкого усиления немецко-финского сотрудничества. Блюхер считал, что «было бы непростительно отклонять финское предложение, если оно последует» официальным порядком /37/. Тем не менее, дальнейшего развития данная инициатива не получила. Финляндское руководство по этому поводу никаких официальных действий далее не предпринимало. Да и нацисты тоже считали, что «время для такой поездки еще не пришло» /38/.

Показательным все же оказалось то, что информация, которая тогда поступила из Хельсинки дошла до самых верхов Германии и ее очень хорошо запомнили. Даже весной 1942 г. об этой инициативе вспомнили, причем заговорил об этом сам фюрер. Гитлер тогда сказал, что одно время «финны напрашивались на протекторат Германии» /39/, но нацистское руководство тогда было не в состоянии пойти на подобный шаг, не рискуя вызвать нежелательную реакцию и подозрение у СССР. Гитлер достаточно определенно раскрыл впоследствии суть политики, которая тогда формировалась в рейхе. Он сказал: «После своей первой войны с русскими», финское руководство предложило ему «превратить их страну в германский протекторат». Но, как выразился фюрер, он «не жалеет, что отказал им... Было гораздо правильнее, чтобы такой героический народ по-прежнему был нашим союзником, а не пытаться включить его в состав Германского рейха, поскольку это ничего, кроме трудностей, не дало бы» /40/.

Таким образом воспользоваться летом 1940 г. столь решительной позицией финского руководства в Берлине все же решились. Однако, проявившиеся в Хельсинки тогда взгляды, позволяли нацистам уже надеяться, что существуют перспективы идеологического усиления своего влияния в Финляндии. Яркой же демонстрацией этого, как раз и могло стать включение в состав нацистских войск СС представителей этой страны.

Поэтому, еще до начала создания финских эсесовских частей нацисты сумели организовать в Финляндии опросы среди

прогермански настроенных кругов и «выяснилось, что в стране достаточно добровольцев, чтобы сформировать из них по крайней мере, один батальон ваффен-СС» /41/. Единственное, что, очевидно, смущало обе стороны, было явное не арийское происхождение финно-угорских народов, которое не позволяло в чисто теоретическом плане служить гражданам Финляндии в эсесовских войсках. Поэтому вначале, нацисты планировали комплектовать здесь части СС преимущественно из финляндцев шведского происхождения, рассматривая шведов в качестве «образца в расовом отношении» и надеясь, что в подразделениях, которое здесь будет разворачиваться, финских шведов окажется значительно больше чем собственно финнов /42/.

При такой постановке вопроса, окончательно, идея создания из граждан Финляндии воинских формирований СС, наконец, была в рейхе поддержана. Конкретно, 30 января 1940 г. на это дал свое согласие Г. Гиммлер, а затем, спустя чуть меньше месяца, 20 февраля - уже сам фюрер /43/. Только после принятия нацистами решения на самом верху его сообщили руководству Финляндии.

1 марта 1941 г. к финскому посланнику в Берлине Т. Кивимяки официально обратился начальник главного управления СС обергруппенфюрер Г. Бергер, который считался «главным специалистом по расовому отбору кандидатов в СС» /44/. Он выразил финскому дипломату надежду «для сближения отношений между Финляндией и Германией» необходимо начать создание на финской территории эсесовской части. Более того, Бергер подтвердил, что рейхсфюрер Г. Гиммлер уже «дал свое согласие на включение финнов в войска СС» /45/.

В итоге, очевидно, что на данном историческом этапе для нацистов не представляло никакой загадки отношение к сделанному предложению финского руководства. Из Берлина лишь дали понять, что Финляндии следует теперь более решительно, «делами подтвердить свое желание в отношении Германии следовать немецким курсом», поскольку демонстрации отношений лояльности к нацизму с помощью только «пропагандистских

выступлений отдельных лиц... недостаточно» /46/.

Тем не менее, любопытным при этом было еще и то, что в немецком руководстве наряду с предложением о необходимости образования финских эсесовских частей одновременно начали усиленно обещать в качестве награды за такую преданность Третьему рейху новые территории для Финляндии. Конкретно сообщалось, что «Германия в войне против России будет заботиться о том, чтобы Финляндия не только вернула свои прежние границы, но и установила границы там, где она сама захочет». Этот аргумент, как считает финский исследователь профессор М. Йокиппи «был действительно сильный» /47/.

В Хельсинки вопрос о формировании из финнов эсесовских частей стал непосредственно обсуждаться с маршалом К. Г. Маннергеймом, который, собственно, и дал свое согласие на начало данной работы /48/. Это означало, что Маннергейм лично санкционировал решение, которое передавало Германии право из финских граждан создавать иностранному государству свои войска. Причем на всех военнослужащих СС распространялась директива, предполагающая что: «национал-социалистическая идеология должна быть господствующей» и «каждый эсэовец должен быть готовым слепо выполнять любой приказ, отданный его вышестоящим начальством или фюрером, невзирая на те жертвы, которые могут при этом потребоваться» /49/. Таким образом, этим решением финский маршал добровольно позволял выводить из своего подчинения созданные в Финляндии воинские формирования эсесовского образца.

После же принятого решения, вскоре, 15 марта 1941 г. для уже непосредственной организации необходимой подготовки к проведению соответствующих мероприятий, в Хельсинки прибывает из Германии полковник П. Дахм. Он до этого уже занимался подобными вопросами на территории оккупированной нацистами Голландии и Норвегии. Но специфика нового для него назначения состояла в том, что Финляндия являлась независимым государством. Поэтому он отправился в данную командировку конспиративно, надев при этом штатский

костюм /50/. Очевидно, пока ни немцы, ни финны не собирались еще афишировать начинающуюся работу и эта тенденция в организации эсесовских войск в Финляндии сохраниться практически до самого начала Великой Отечественной войны.

С другой стороны было ясно, что финским руководством для нацистов открывалась явная перспектива начала свободной работы по формированию в стране эсесовских частей. Как по этому поводу отметил известный финский государственный и политический деятель, член комиссии парламента по иностранным делам того времени К. О. Фритч, «...немцам не нужно было создавать в Финляндии скрытую пятую колонну...поскольку официальные круги Финляндии сами слишком охотно стремились к сотрудничеству с немцами...» /51/.

Это утверждение можно четко подтвердить еще и тем, что непосредственную организацию вербовки в СС финской молодежи поручалось прежнему начальнику сыскной (политической) полиции Финляндии майору Э. Риекки. Он занимал столь ответственный государственный пост с 1923 по 1938 гг. После же его нового назначения, он для получения соответствующих инструкций срочно, 17 марта, был отправлен в Берлин /52/.

Затем, 26 марта, через несколько дней после того, как Риекки вернулся из Германии, ему в помощь был создан в Финляндии еще один некий неофициальный комитет. Причем, как заметил Фрич, сразу же стала заметна «правительственная поддержка комитета, который получал соответствующие средства из государственных фондов, прежде всего, из министерств обороны и иностранных дел» /53/. В комитет к тому же были включены как деятели правых политических организаций, так и представители финских государственных структур: сотрудники полиции, а также военнослужащие. Кроме того, в комитете оказались видные деятели крупного капитала, которые должны были, очевидно, также помогать решать финансовые вопросы, связанные с работой по вербовке в СС, которая тогда начала разворачиваться по всей Финляндии /54/.

Созданный при Риекки комитет к тому же наладил прямые контакты с Германией и принялся вести с эсесовским руководством переговоры, которые должны были определить статус финских войск в составе СС. Риекки считал, что «Финляндия является единственной свободной страной, которая предоставила Германии волонтеров и поэтому новобранцы должны были принципиально отличаться по их положению от тех, которые набирались в оккупированных стран» /55/. Конкретно, в Хельсинки просили образовать самостоятельное эсесовское подразделение, а также принятие финскими военнослужащими своей собственной присяги, которая отличала бы это формирование от других частей СС /56/. Подобные условия казались вполне объяснимы с точки зрения Финляндии, поскольку в тексте присяги, в частности, указывалось, что, поступающий на службу в СС новобранцы, обязаны были дать клятву «в верности и отваге» самому фюреру /57/.

В Германии стремились, естественно, не обострять своих отношений с финским руководством. Эсесовцам, в частности, рекомендовалось «избегать любых поступков, которые могли бы ущемить...национальную гордость» финнов /58/. В свою очередь, Гиммлер ясно дал понять, обращаясь к иностранным легионерам СС: «Все, что мы от вас просим, так это чтобы вы следовали идеям высшей расы и ее историческому идеалу, что является единственной и восхваляющей силой, скрепляющей Германский рейх» /59/.

Поэтому, в Хельсинки срочно был направлен еще один эсесовский представитель, который провел серию переговоров с тем, чтобы избежать перспективы принятия руководством СС каких либо условий от Финляндии. В конечном итоге по рекомендации министра иностранных дел Р. Витинга было решено вербовку финнов в СС начать без промедления и без каких либо специальных официальных соглашений или условий /60/.

Иными словами работа закипела. 7 апреля Риекки уже провел первое совещание с тридцатью вербовщиками, пробывшими в Хельсинки из различных районов страны /61/. Это был

далеко не полный аппарат, столь стремительно создававшийся тогда в Финляндии организации, целью которой стала масштабная задача: официально развернуть пропаганду нацистских идей, а также наладить запись и последующий затем отбор желающих служить в немецких войсках СС.

Эта задача требовала разветвленной системы работы с финским населением. На самом деле, в стране появилось до пятидесяти вербовщиков, которым начали помогать еще соответствующие «активисты», приступившие к работе буквально по всей территории страны. При этом с целью пропаганды вступление в эсесовские войска, агитаторы стали использовать чисто исторические аналогии из недавнего прошлого Финляндии, когда в годы Первой мировой войны в Германию переправлялись добровольцы из которых затем был сформирован егерский батальон, брошенный затем немецким командованием на восточный фронт против русской армии. Теперь же, начавшуюся запись в германские эсесовские войска, принялись также именовать не иначе как начало некоего «нового егерского движения», а добровольцы набирались исключительно для боевых действий против Советского Союза.

Условиям же приема в войска СС оставалось, однако, лишь «арийское происхождение» претендента, которому при этом давалось обещание, что с принятием его в эсесовские части и служба там в течении четырех лет, даст ему «право на немецкое гражданство, а также на работу на железных дорогах, в почтовом ведомстве, таможне» или других подобных учреждениях рейха. Кроме того, отслужившие в СС лица также обретали право «на получение именина площадью в 25 га в удобных для земледелия районах» /62/, т.е. на захваченных нацистами территориях Восточной Европы.

Далее, определив принципы приема в эсесовские части, 9 апреля при Риекки в Хельсинки было образовано еще одно специальное учреждение - бюро, которое окончательно рассматривало и принимало решение по отбору добровольцев, достойных проходить службу в немецких частях СС. В процессе отбо-

ра там особо обращали уже внимание на медицинские показания добровольцев и предпочтение делалось тем, кто имел «арийские черты» /63/. Кроме того, бюро получало из государственной полиции необходимые сведения о добровольцах, с тем, чтобы не допустить проникновение в СС сторонников, скажем, коммунистических взглядов /64/.

Само же это бюро разместилось в центре города и, как начали замечать тогда жители финской столицы, - «...Туда все время шли люди. Студенты, школьники и т. п. Они с воодушевлением записывались в это новое “егерское движение”» /65/. Действительно, объективно, при соответствующей поддержке государства у созданной группы специальных вербовщиков, не было никаких особых проблем. Более того, как указывал Т. Кивимяки, тогда начали уже «среди финской молодежи проявлялись нацистские настроения» /66/.

Единственное, что при этом у эсесовцев пока не получалось, заключалось в том, что собственно шведское, т.е. «арийское» население Финляндии особого интереса к новому «егерскому движению» не испытывало. Но, как заметил не без иронии германский дипломат работавший в Хельсинки, Х. Метцер, «видимо, лидеры СС решили не беспокоить великогерманский головной мозг такими мелкими вещами» /67/. Поэтому начали записывать в СС в основном финнов. Здесь у немецких медиков, которые собственно и занимались проводившимся отбором, начали, тем не менее, возникать «проблемы». Услуги некоторых из добровольцев пришлось сразу же отвергнуть, «поскольку у них были обнаружены “славянские черепа”» /68/. В целом, «однако, - как отметил профессор М. Йокипии, - новобранцы, по отзыву немецких врачей, были столь хороши, что их старые представления о распространении “северной расы” среди финнов претерпели существенную корректировку» /69/.

Более того, была решена и проблема, связанная с существовавшими в стране устойчивыми социал-демократическими взглядами. Невзирая на то, что в рейхе членов СДПГ подвергли преследованию, которые проводились зачастую именно

эсесовцами, лидеры СДПФ стали все же «разделять» идею необходимости создания на территории Финляндии подобных войск. Еще 31 марта 1940 г. руководитель финских социал-демократов В. Таннер выразил свое согласие поддержать линию правительства страны на формирование финских подразделений СС и даже не возражал против всей этой кипучей деятельности, начавшейся тогда по организации записи добровольцев /70/.

Благосклонное отношение социал-демократов к проводившейся в Финляндии эсесовской вербовке выразилась еще и в том, что бывший же секретарь партии К. Лехмус вообще вошел в неофициальный комитет по оказанию помощи Риекки /71/. К тому времени Лехмус уже работал в качестве офицера в ставке Маннергейма и таким образом в этом комитете представлял военные структуры государства. Более того в течении четырех недель до начала организации работы комитета Лехмус был направлен в Германию, где ему, естественно, и рассказали о специфике стоящей перед комитетом задач /72/.

Естественно, Лехмус весьма обстоятельно информировал о работе комитета Маннергейма, который, по его словам, «просто слушал, и ни в какие с ним дискуссии или обмен мнениями не вступал» /73/. Тем не менее, уже тогда в среде финских социал-демократических функционеров вынуждены были сожалеть, что их партийное руководство «несет моральную ответственность за происходившие события», связанные с формированием эсесовских частей, а в Финляндии дело может пойти до того, что «президент вообще провозгласит в стране нацизм» /74/.

В целом набор добровольцев шел весьма энергично. Уже 6 мая первая партия претендентов, прошедших все стадии отбора, из Турку на немецком корабле отбыла в Германию. С этого момента из Финляндии отправка завербованных в эсесовские войска волонтеров началась проводиться регулярно и продолжалась целый месяц /75/. При этом, чтобы не афишировать начавшуюся транспортировку новобранцев, их официально определяли в рейх в качестве как бы рабочей силы «для немецкой

военной промышленности» /76/. Более того, отъезжавшие не имели при себе никаких необходимых для пересечения финской границы документов, что грубо нарушало законодательство страны.

Этот факт стал однако сразу же достаточно хорошо известен. В результате, на заседании комиссии финского парламента по иностранным делам, проходившем в середине мая, депутатами парламента была предпринята попытка, выяснить у главы МИДа Финляндии Р. Виттинга причину происходящего. В частности, тогда было отмечено, что финские «парни без паспортов и прочих документов проходят на немецкие суда... и беспрепятственно отбывают на некую патриотическую службу» в Германию. Однако Виттинг ничего вразумительного в ответ на это не произнес /77/.

Не произнес он ничего разъясняющего и тогда, когда министр внутренних дел Э. Борн специально указал ему на то, что «надо все же соблюдать финские законы и не выпускать за пределы страны людей без паспортов». Министр иностранных дел в ответ лишь отшутился, назвав Борна «буквоедом» /78/. Но, а сам Борн вынужден был для себя признать очевидный факт, что у «нового егерского движения» есть «высокие покровители» /79/. Таким образом, государство сознательно обеспечивало нарушение эсесовскими добровольцами элементарных правил пересечения финской границы. Очевидно, что это делалось исключительно в целях соответствующей конспирации.

В результате активной поддержки со стороны государства в апреле-мае 1941 г. процесс вербовки в войска СС начал явно набирать обороты. Весьма стремительно в эсесовские части записалось до 1566 кандидатов, из которых затем в Германию все же было отправлено, после соответствующего отбора похожих на арийцев, лишь 1226 человек /80/. Это, таким образом, было очень неплохим результатом и, фактически, приводило к тому, что немцам удалось достаточно быстро завербовать столько финнов, что из них можно было создать уже целый батальон.

В столь благоприятных условиях для формирования в Финляндии частей СС, германское руководство посчитало возможным продолжить развертывание «егерского движения» и приступить уже к формированию здесь эсесовского полка, который должен был войти в состав все той же пятой дивизии ваффен-СС «Викинг». Этот полк планировали назвать «Суоми» и он должен был состоять из одного шведоязычного и двух финноязычных батальонов /81/. Уже 9 мая Гиммлеру было доложено о возможности в Финляндии «добиться формирования полномасштабного полка» /82/. Однако развить эту идею все же не удалось. И опять таки в процессе торможения немецкой идеи сыграло не последнюю роль финское государство.

В начале, руководство страны активно поддержало эту инициативу. Но развертывание для нужд Германии все новых и новых формирований вступало в явное противоречие с собственной энергичной подготовкой Финляндии к новой войне с СССР. В Хельсинки не могли не понимать, что, помогая формировать для Германии из финнов воинские части, руководство страны своими же руками ослабляет собственный военный потенциал. Финское военное руководство к нападению на СССР готовилось серьезно и в итоге отмобилизовало в армию к началу войны до 17 процентов населения /83/. Поэтому не случайно, начальник генерального штаба финской армии Э. Хейнрикс уже 4 июня начал проявлять беспокойство и ставить вопрос о том, чтобы вообще «возвратить финских добровольцев войск СС в Финляндию», объясняя это потребностями в военнослужащих в самой финской армии «в связи с предстоящей войной» /84/.

Более того, начала нарастать волна недовольства и среди представителей политических партий, которые все более и более стали узнавать о формировании финских эсесовских войск и явно этого не принимали, поскольку отнюдь не симпатизировали идеи усиления нацистского влияния в Финляндии.

Так уже 27 мая 1941 г. произошла весьма острая дискуссия в стенах парламента. В ней приняли участия депутаты парламента от социал-демократической партии и Аграрного союза.

Том прямо звучали заявления, относительно финских добровольцев в войсках СС, что «Германия хочет подготовить этих людей в чисто политическом плане» и «вербует их не для себя,...а для того, чтобы с их помощью подготовить фашизацию Финляндии». Далее развивая эту мысль, указывалось: «получив нацистскую подготовку, эти господа будут в Финляндии действовать в пользу германской системы», поэтому выдвигалось перед правительством требование «вербовку более не продолжать» /85/.

В конечном итоге на рубеже начала лета 1941 г. в руководстве страны пришли к выводу, что дальнейший процесс развертывания работы вербовочных пунктов для эсесовских войск не совсем целесообразен и эта деятельность начала плавно сокращаться /86/. Таким образом, формирование полка СС так и не случилось. Единственное, что тогда в Финляндии вынуждены были официально признать, что финны, выехавшие в Германию, отправлялись туда не для «работы на военных предприятиях», а являются «добровольцами ваффен-СС, проходящими воинскую службу» /87/.

Теперь центральным становилась их дальнейшая судьба, поскольку в действительности, прибывшие из Финляндии добровольцы, не всегда получали то, о чем они мечтали, когда записывались в СС.

1. Куусинен О. В. Избранные произведения (1918 - 1964). М., 1966. С. 237.
2. Барышников Н. И., Барышников В. Н. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985. С. 35; Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 148.
3. Mikola K.J. Poliitikkaa pataljoonana voimin//Historiallinen Aikakauskirja. 1969, № 4-1. S. 336.
4. См.: Семенов К. К. Иностраные добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте//Крестовый поход на Россию. М., 2005; Семенов К. К. Дивизии войск СС. История организации, структура,

боевое применение. М., 2007; Акунов В. Дивизия СС «Викинг». История Пятой танковой дивизии войск СС. 1941 - 1945 гг. М., 2006; Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС Викинг, 1941 - 1945. М., 2006; Йокипии М. Финляндия на пути к войне. Петрозаводск, 1999.

5. См., например, указ. соч. В. Акунова «Дивизия СС “Викинг”, в котором в наибольшей степени содержатся материалы, заимствованные из работы Р. Батлера «SS-WIKING. История пятой дивизии СС Викинг, 1941 - 1945».

6. См.: Йокипии М. Финляндия на пути к войне. С. 112 - 121 (перевод с фин. яз.: Jokipii M. Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 187 - 207). В оригинальном издании, в частности, правильно указывается время официального начала финско-германских переговоров по поводу создания на территории Финляндии войск СС (Jokipii M. Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 190), тогда как в переводе эта дата представлена неверно (Йокипии М. Финляндия на пути к войне. С. 113). В переводе присутствуют и иные существенные отклонения от оригинального текста и по другим весьма важным фактам (См.: Там же).

7. См.: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia. Hels., 1969 (переиздана: Porvoo, 1996); Jokipii M. Jatkosodan synty; Jokipii M. Hitlerin Saksa ja sen vapaehtoisiikkeit: Waffen-SS:n suomalaispataljoona vertailtavana. Porvoo, 2002; Jokipii M. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa//Jatkosodan pikkujättiläinen. Hels., 2006; Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolsevismia vastaan. Pohjosmaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa//Sotilasaikakauslehti. 1981; Jalonen J. Kolmannen valtakunnan idänsota-retki suomalaisen jääkäriupseerin esikoisen silmin//Sotahistoriallinen Aikakauskirja. 2008. № 27 и др.

8. См.: Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 188.

9. Пленков О. Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. СПб., 2004. С. 109.

10. См.: Kivimäki T.M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo-Hels., 1965. S.211.

11. Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 110. G 12. Lähetet № 12, 13, 30.

12. Ibid. Suomen ulkopolitikan selvittelykomitean mietintö 12.07.1945.

13. См.: Kallenautio J. Suomi katsoi eteensä. Hels., 1985. S. 150.

14. Wuorimaa A. Lähettäläänä Hitlerin Saksassa. S. 60; Hiedanniemi B.

Kulttuuriin verhottu politiikka. S. 102-104.

15. UM. 5 C 5. Berlinin-lähetystön raportti. 5. 6.1935.

16. Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. Hels., 1984. S. 247.

17. Blücher W. Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935-44. Porvoo-Hels., 1951. S. 40; См. также: Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhottu politiikka. S. 87.

18. Цит. по: Kemiläinen A. Suomalaiset, outo pohjolan kansa: Rotuteoriat ja kansallinen identiteetti. Hels., 1993. S. 288.

19. Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 23.

20. Peltovuori R. O. Saksa ja Suomen talvisota. S. 18.

21. Wuorimaa A. Lähettäläänä Hitlerin Saksassa. S. 27.

22. Documents on German Foreign Policy. P. 562 (Далее - DGFP...).

23. Ibid. P. 604, 606.

24. См.: Soikkanen T. Kansallien eheytyminen - myytti vai todellisuus? S. 225.

25. Suomi J. Urho Kekkonen 1936 - 1944. Myrrys mies. Keuruu, 1986. S.108.

26. Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolsevismia vastaan. Pohjosmaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa. S. 782.

27. Семенов К. К. Иностранцы добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте. С. 461.

28. Батлер Р. Указ. соч. С. 42.

29. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 189.

30. Blücher W. Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935-44. Porvoo-Hels., 1951. S. 301.

31. Metzger H. Op. cit. S. 243.

32. DGFP... . Vol. X. P. 121; Blücher W. Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935-44. S. 200.

33. Ibid.

34. Menger M. Op. cit. S. 78.

35. DGFP... . Vol. X. P. 406.

36. Ibid.

37. Ibid.

38. Ibid. P. 424

39. Manninen O. Suur-Suomen ääri viivat. Hels., 1980. S. 140.

40. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1997. С. 173.

41. Батлер Р. Указ. соч. С. 19, 21.
42. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 200.
43. Ibid. S. 190; Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo-Hels.-Juva, 1984. S. 73.
44. Батлер Р. Указ. соч. С. 14.
45. Kivimäki T.M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 209 - 210.
46. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 193.
47. Ibid.
48. Kivimäki T. M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 210. Показательно, что сам Маннергейм пытался этот факт в своих воспоминаниях отрицать (см.: Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999. С. 365 - 366), хотя последующий ход развития событий указывает на то, что он был одним из ключевых фигур в решении проблемы формирования финских эсесовских частей.
49. Батлер Р. Указ. соч. С. 18.
50. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 194.
51. Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945. S. 320.
52. Jokipii M. Jatkosodan synty. S.191.
53. Frietsch C. O. Op. cit. S. 350.
54. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 193.
55. Jokipii M. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa. S. 58.
56. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 193.
57. Батлер Р. Указ. соч. С. 19; Metzger H. Op. cit. S. 247.
58. Батлер Р. Указ. соч. С. 21.
59. Цит. по: Там же. С. 14.
60. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 198.
61. Ibid. S. 194.
62. Voionmaa V. Kuriiripostia 1941 - 1946. Hels., 1971. S. 31.
63. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 200.
64. Ibid. S. 198.
65. Voionmaa V. Op. cit. S. 26.
66. Kivimäki T. M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S.211.
67. Metzger H. Op. cit. S. 247.
68. Voionmaa V. Op. cit. S. 33.
69. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 200.
70. Ibid. S. 194, 200; Käymme ommaa erillistä sotaamme". Risto Rytin päiväkirjat 1940-1944. Hels., 2006. S.75.
71. Lehmus K. Kolme kriisiä . Hels., 1971. S. 43.

72. Rislakki J. Erittäin salainen.Vakoilu Suomessa. Hels., 1982. S. 171.
73. Lehmus K. Kolme kriisiä . S. 44.
74. Voionmaa V. Kuriiripostia 1941 - 1946. S. 32, 29.
75. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 201.
76. Frietsch C. O. Op. cit. S. 351; Батлер Р. Указ. соч. С. 21.
77. Voionmaa V. Kuriiripostia 1941 - 1946. S. 26; Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. S. 351.
78. Voionmaa V. Kuriiripostia 1941-1946. S. 27.
79. Frietsch C.O. Suomen kohtalonvuodet. S. 350.
80. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 200.
81. Ibid. S. 202.
82. Ibid.
83. Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 154.
84. Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolseivismia vastaan. Pohjosmaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa. S.784; Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. S. 247.
85. Voionmaa V. Kuriiripostia 1941 - 1946. S. 33 - 34.
86. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 203, 207.
87. Menger M. Op. cit. S. 107.